

Владимир Михайлов

Исток

«Автор»

1972

Михайлов В. Д.

Исток / В. Д. Михайлов — «Автор», 1972

Признанный мастер отечественной фантастики... Писатель, дебютировавший еще сорок лет назад повестью «Особая необходимость» – и всем своим творчеством доказавший, что литературные идеалы научной фантастики 60-х гг. живы и теперь. Писатель, чей творческий стиль оказался настолько безупречным, что выдержал испытание временем, – и чьи книги читаются сейчас так же легко и увлекательно, как и много лет назад... Вот лишь немного, что можно сказать о Владимире Дмитриевиче Михайлове. Не верите? Прочитайте – и убедитесь сами!

© Михайлов В. Д., 1972

© Автор, 1972

Содержание

Владимир Михайлов	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	14
6	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Михайлов

Исток

1

На покрывало – черное, усеянное множеством блесток – кто-то капнул бело-голубым. Капля расплзлась по черному, заливая все, что видел глаз; вот уже под бело-голубым проступило зеленое и коричневое. Но по-прежнему стояла тишина, пустота лежала вокруг, и это не укладывалось в сознании. Тогда люди оторвались от приборов и экранов и стали глядеть друг на друга, недоумевая. Так они пропустили тот миг, когда капля отвердела и превратилась в выпуклый щит, испятнанный морями и облаками, пересеченный хребтами гор, растолкавших леса. Такое обращение происходит всякий раз, когда приближаешься со стороны светила к планете, населенной водами и лесами.

Расстояние сокращалось, а удивление росло в обратной пропорции. Но изумление не может расти бесконечно, рано или поздно наступает миг, когда оно перерождается в радость или печаль. И вот командир корабля, накупившись, сказал:

– Это не Исток.

Все разом шевельнулись, сами того не желая, но ни один не возразил и не согласился. Лишь главный штурман, человек, известный специалистам повсюду (капитанов знают все, штурманов – только профессионалы, но лишь их мнение и является важным), один он не выдержал тяжести недосказанных слов и проговорил:

– Прокладка правильна.

Он сказал это, как говорят о бесспорном факте, как произнес бы: «Идет четвертый год экспедиции к Истоку, обители старейшей цивилизации из всех, известных нам», или что-нибудь другое, понятное каждому. Но в двух словах, сказанных им, кроме прямого смысла, таился еще и второй, и все безошибочно расшифровали фразу штурмана так:

«Это – Исток. И даже будь в Галактике в миллион раз больше планет, это оказался бы только Исток, и ничто иное».

Командир не стал спорить. Он лишь взглянул на приборы, чьим назначением было обнаруживать искусственные тела в пространстве, тела, по которым узнают об уровне цивилизации точнее, чем из книг. Командир взглянул, зная, что все глаза послушно скользнут сейчас за его взором и увидят то же, что и он. Так и произошло; и все увидели, что приборы дремлют, не находя ничего, на чем стоило бы задержаться их неустанному вниманию. Командир перевел взгляд на аппараты, обученные всем языкам, на которых говорят населенные планеты; но и эти чуткие устройства молчали, не слыша ничего. Затем командир обратился к экрану, на котором планета повертывалась, нежась, и безмятежно позволяла разглядывать себя, словно ребенок, которому неведом стыд. Все повторили его движение – и увидели горы, и леса, и лениво струящиеся реки, и ослепительные моря, и местами – пухлые подушки облаков, – и ничего больше. Ничего, что носило бы следы разума. Только после этого все вновь посмотрели на хранителя курса.

Штурман передернул плечами под тонким комбинезоном и бессознательно шагнул вперед, чтобы уйти от скрестившихся на нем взглядов. Он приблизился к экрану, чей матовый диск упорно показывал, что у планеты нет тайн. Не было тайн, не было дорог и городов; планета ничем не могла порадовать прибывших с визитом. Это было непереносимо; штурман оперся рукой о панель экрана, приблизил лицо к тепловатому стеклу и поднял другую руку с просьбой, может быть, пощады, но все поняли – тишины. И взгляды умолкли; как это часто бывает,

на краткий срок возобладала вера в то, что стоящий ближе всех к экрану видит больше, чем остальные, и, значит, видит истину. На самом же деле штурман не видел и не мог видеть ничего нового, но наступившая тишина позволила ему справиться с сомнениями.

– Ну что, штурман? – услышал он через мгновение. Это спросил командир, твердо знающий, что не годится ему слишком долго молчать, и еще менее позволительно – не знать и не видеть чего-то, что тут же, у всех на глазах, заметил другой. – Что там? Непохоже на цивилизацию, правда?

Штурман поднял руку и потер рукавом защищающее экран стекло, словно откуда-то взявшаяся пыль мешала разглядеть главное. Опять все люди, бывшие в рубке, качнулись вперед, но в их движении уже не было веры.

– Ничего! – заключил командир.

– Ничего, – откликнулся штурман после долгой и весомой паузы. – Нет следов: ни сигналов, ни маяков, ни кораблей, и городов я тоже не вижу. – Он покачал головой; но вслед за тем голос его окреп. – Но разве я обещал маяки и корабли? Это – Исток; вот все, что я могу сказать.

Командир поднял брови:

– Нет. Разве ты не видишь? Это не Исток; это другая, дикая планета.

Штурман дернул плечами, словно удар пришелся меж лопаток, в спину. Тогда справа, где стояли главные специалисты корабля и экспедиции, проговорил Альстер, энергетик:

– Мы надеялись получить здесь топливо для возвращения. У нас остался лишь резерв, лететь не на чем. Но я вижу внизу много органики и воды; этого достаточно для производства эргона. Прикажи садиться, командир.

– Да, – сказал командир сухо. – Заготовим топливо и вернемся к цивилизованным местам.

Он скомандовал, и звездный барк, наклонившись, кинулся вниз.

2

Это была обширная поляна, покрытая травой, густой и нежной, мягко-зеленой, созданной для того, чтобы ходить по ней, и лежать на ней, и прятать в нее лицо, и жевать стебельки ее в минуты раздумья. Поляна была в частых ромашках, в желтых одуванчиках, а дальше краснели цветы клевера, и к ним, минуя телескопические, увенчанные тугими ершиками соцветий стебли мятлика, с неторопливым достоинством летели пчелы, отличавшиеся от земных разве тем только, что обитали они не на Земле. Теплый запах лета плыл над поляной, и когда задувал ветерок, он приносил аромат длинных сосновых игл; лес окружал поляну со всех сторон, но от этого на ней не казалось тесно.

Наверное, тут можно было чувствовать себя как дома: ощутить лопатками упругость травы, расстегнуть воротник и, подложив ладони под затылок, долго смотреть в небо. Но люди были осторожны. Плавно опустившись в самом центре поляны, они долго еще не решались сойти на мягкую землю и лишь наблюдали в узкие иллюминаторы, стремясь убедиться, что опасность не подстерегает их уже на самых первых порах. Одновременно химики брали пробы воздуха и делали анализы, чтобы узнать, как дышится здесь. Дышать оказалось можно, бактериальной флоры, опасной для жизни, не обнаружилось, не возникало и других угроз; никто даже не показался на поляне, кроме какого-то зверька, который, то и дело высоко подпрыгивая, пересек ее, не обратив на звездолет особого внимания. И тогда люди открыли наконец люк.

Командир, тяжело звеня каблуками, спустился первым, за ним – другие. Они постояли молча, словно кучка кладоискателей, что копали долго и упорно, напрягаясь и истекая потом; вырыли наконец сундук – и вместо темного блеска старого золота увидели в разочарованном изумлении груды черепков едва обожженной глины. Командир ковырнул носком массивного башмака тонкий пепел, в который обратилась трава вокруг корабля. Он долго разглядывал пепел, а ветер потихоньку развеивал бурые частички, чтобы рассеять их по всей поляне и удобрить почву для лучшего роста уцелевших трав: известно же, что после костров лишь с новой силой разрастается то, что стремились обратить в золу. Но командир думал не об этом. Он поднял глаза, взгляд его нашел и притянул штурмана, и тот, косолапо ступая, вытиснулся из группы остальных.

– Надо найти воду и около нее смонтировать синтезаторы, – сказал командир. – Неизбежен риск: мы ведь летели не на дикую планету и у нас нет оружия, кроме личного. Нам под силу послать разве что легкую разведку. Правда, есть другой выход: выгрузить и собрать тяжелые машины, сделать их оружием если не нападения, то защиты. Но здесь, без механизмов, мы не справимся с этим раньше, чем в три дня, а время дорого. Так где же мы? Если это все-таки может быть Исток, попробуем обойтись без машин, если же нет... Теперь, осмотревшись и прислушавшись, выскажи свои мысли. Я хочу быть уверенным в том, что вправе сэкономить эти три дня.

Штурман не отвел взгляда.

– Не случилось ничего такого, – ответил он, – чтобы я перестал верить себе, приборам и формулам. Значит, это Исток.

Командир нахмурился, словно ожидал услышать не то.

– Но если это Исток, – подумал он вслух, – то иссякший; а так не бывает. История – не море с приливами и отливами, а река; реки же не текут к родникам. Пусть и не кратчайшим путем, но они стремятся вперед.

Штурман развел руками, словно оправдываясь, но промолчал.

– А как Исток мог иссякнуть? – продолжал командир. – Можно, конечно, предположить, что людям могучего мира надоело жить около этой звезды и они ушли в бескрайний простор – искать другое солнце...

Все подняли головы и посмотрели наверх, на ослабленное атмосферой, но все еще грозное на вид размашисто пылающее светило. В самом деле, уж не собиралась ли эта звезда стать Новой, и не потому ли люди покинули круги своя? А эта планета, вокруг которой корабль кружился, навивая нить за нитью, и на которую сел, – может быть, люди привели ее и поставили взамен своего дома, чтобы не нарушить равновесия в системе?

– Но если бы люди улетели, на планете или без нее, – возобновил свою речь командир, – они обязательно оставили бы какой-то знак, предупреждение, чтобы прилетевшие гости могли избежать опасности и знали, где искать Исток. Значит, этого не случилось. Что же касается иной судьбы... Конечно, всякая цивилизация, даже высокая, может при стечении обстоятельств заболеть и погибнуть, и тогда места, где жили люди, очень быстро зарастут бурьяном; но сохранятся руины городов, обрывки дорог, скелеты машин... Повышенный уровень радиации, наконец. Несчастья оставляют следы, хотя бы в виде могил. А тут? Безмятежность детства...

Штурман неуступчиво промолчал, а дозиметрист корабля, чьим долгом было определить уровень радиации, согласно кивнул, говоря:

– Радиация в пределах нормы, – и поднял руку с прибором как доказательство.

– И к тому же человечеству, достигшему уровня Истока, не может угрожать практически ничто, – заключил командир. – Ты ошибся: это другая планета. Что ты упорствуешь? Уж если я готов потерять эти три дня, то стоит ли тебе цепляться за них?

Штурман тяжело вздохнул. Ему очень хотелось признать свою ошибку, чтобы разрядить напряжение. Но он не мог сделать этого, не видя ее, и ответил:

– Я ошибся? Я сказал бы это с радостью. Но, видишь ли, тогда ошибся не я один. Тогда ошибались и Кеплер, и Ньютон, и Эйнштейн ошибался, а астрономия превратилась в гадание на картах. Согласись с этим – и я с чистым сердцем признаю, что исходил из неверных предположений, что законы, которыми мы все руководствовались, не распространяются на эту часть вселенной. Меня не страшат эти три дня, куда мне спешить? Но мое признание в ошибке ты можешь получить лишь такой ценой. Я уже в сотый раз мысленно прошел весь путь вычислений и расчетов курса, ясно увидел каждый сантиметр программы, побывал в каждой ячейке вычислителя и припомнил каждый день полета – и не нашел ничего, что позволило бы мне хотя бы заподозрить ошибку. Нет, корабль пришел точно к цели, не потратив ни лишнего грамма топлива, ни ватта энергии, ни секунды времени. Ты не удовлетворен, я вижу, но больше мне нечего сказать.

– Что значит – удовлетворен? – возразил капитан; как и всякий человек с волей, он обладал гордостью, противоречащей подчас здравому смыслу, и сейчас ему показалось обидным настаивать одному на осторожном решении, в то время как штурман выглядел храбрецом. – Почему – я? Где цивилизация, которая должна быть здесь? Мы не видим ее следов. Ты ведь споришь не со мной, штурман, – с фактом. Уж не хочешь ли ты сказать, – тем хуже для факта?

– Нет, не для факта. Его просто нет. Ты спрашиваешь: где следы цивилизации? Но при чем тут следы? Их оставляет тот, кто прошел; но ты и сам говоришь, что пройти, исчезнуть цивилизация не могла. Мы знаем, как выглядели цивилизации прошлого, но что нам известно об облике миров будущего?

– Почти все, – ответил командир уверенно. – Если бы мы даже и не видали ничего другого – на нашем пути был Гигант, и одного этого достаточно.

Командир умолк, и никто не стал нарушать тишины. В безмолвии яснее память, а слово «Гигант» заставило каждого вспомнить последнюю ступень лестницы цивилизаций, планету, с которой они стартовали в уверенности, что следующий шаг поднимет их на самую вершину.

3

Гигант! Еще задолго до той невидимой линии, которая называется внешней границей системы, они услышали его голоса и увидели приветные огни маяков. Пространство сверкало, говорило, шептало, пело, кружилась карусель населенных планет, планеток, осколков, множества тел, созданных природой и человеком. Трассы кораблей скрещивались, свивались, сливались, чтобы снова разбежаться в тысяче направлений. Человек обитал здесь, и все говорило о нем, на всем стояла печать деятельного разума. Защитные поля останавливали корабль с Земли, признав в нем чужого, потом пропускали; корабли с Гиганта подходили и подолгу шли рядом, приветствуя прибывших. Чем меньше становилось расстояние до основной планеты этой системы, тем теснее было в пространстве. А потом появился Гигант.

Сначала он пролетел мимо них, желанный и совершенный; затем корабль настиг его. Блестела поверхность, созданная человеком; где-то в глубине чистые моря плескались в облицованных берегах, сплошь покрытые дисками и многоугольниками искусственных островов. Реки омолаживались в бесчисленных фильтрах и текли под прозрачными крышками в указанных им направлениях, разделяясь на рукава и в конце концов теряясь в трубопроводах. Строения возносились над поверхностью, другие углублялись в недра, а третьи вообще вольно плыли в воздухе. Кое-где ровным, как по линейке, строем двигались аккуратные голубоватые облака, но трудно было сказать – обычные ли это водяные пары или какой-то продукт химии транспортируется подобным образом. Тут и там виднелись зеленые пятна правильных очертаний, но это была не растительность, а искусственные озера, какой-то этап на длинном пути превращений вещества. Местами вспыхивали густо-красные или пронзительно-голубые огни, многоцветные радуги перебрасывались на тысячи километров и застывали, словно воздвигнутые навечно, но через несколько минут или часов внезапно исчезали и возникали вновь в другом месте планеты.

Корабль финишировал; необъятные поля, покрытые звонкими желтоватыми плитами, простерлись вокруг – веселый мир кораблей, устремленных в зенит. Поверхность планеты чуть вздрагивала, как стенки котла под давлением клокочущего внутри пара: под поверхностью находились энергетические центры этого мира. И повсюду – на покрытии космодрома, у зеленых озер, на материках и островах, в недрах и в воздухе – везде были люди, и в их движении угадывался неведомый еще Земле высокий ритм этой планеты, не зря, видно, носившей свое имя. Все было как чудо, как сказка, придуманная роботом-нянькой, это было будущее Земли, и на него хотелось глядеть не отрываясь.

«Почему мы не остались там подольше? – думали сейчас стоящие около корабля на поверхности планеты, на которой царствовали деревья и травы. – Мы торопились тогда, нас гнало желание увидеть нечто еще более совершенное и удивительное. Мы спросили, как выглядит Исток, что нового слышно о нем. Люди с Гиганта промолчали, хотя аппараты точно перевели им вопрос. Потом хозяева пояснили, что их экспедиция, вот уже несколько лет как ушедшая к Истоку, все еще не возвратилась; наверное, в пространстве людей подстерегла какая-то беда, от которой не гарантирует и высочайшая техника. Гигант уже собирался снарядить новые корабли, но тут появились мы. Теперь они будут ждать нашего возвращения. Мы не испугались предстоящих опасностей, наоборот – захотелось быстрее преодолеть их, и мы решили ускорить свой отлет. Поверхность Гиганта все так же вздрагивала под ногами, над космодромом не было ни облачка, когда мы, уверенно ступая, шли к своему кораблю, все еще не очнувшись от великолепия увиденного. Нам пожелали счастливых открытий. Но что мы открыли?»

– И все же, – прервал штурман затянувшееся молчание, – пока будут искать воду для синтезаторов, разреши поинтересоваться и тем, нет ли вблизи признаков цивилизации. Для Истока радиус первого признака не может быть велик.

Он был прав: на цивилизованной планете, в местах, пригодных для обитания, из любой точки придется пройти не более определенного расстояния, чтобы наткнуться на признаки человеческой деятельности; чем выше цивилизация, тем это расстояние меньше.

– Что думают специалисты? – спросил командир.

– Топливом нужно запастись побыстрее, – проговорил Альстер, оторвавшись от хмельного напитка воспоминаний. – Не то встанут реакторы, и всей нашей защите будет грош цена.

– Согласен с энергетиком, – кратко доложил Стен, главный инженер.

– Хорошо, – сказал командир, хмурясь. – Рискнешь ли ты сам, штурман, возглавить группу, снабженную лишь легким оружием?

– Да, – ответил навигатор, не колеблясь.

– Тогда готовься к выходу.

4

Подготовка заняла немного времени. Все действия, связанные с высадкой на незнакомой планете, были давно выучены наизусть и выполнялись без размышлений, под руководством той памяти, что живет в мускулах, а не в мозгу. Так ходит человек, не думая о последовательности действий. Минуты, когда люди одевались и снаряжались; когда они хрупким строем встали перед кораблем – маленькие и, казалось, беспомощные по сравнению с ним, штурман выступил вперед и доложил командиру о готовности.

– Значит, – сказал командир, – ты по-прежнему уверен. – Он окинул взглядом строй – девять человек, штурман был десятым, так что на борту оставалось сейчас шестнадцать человек, включая самого командира. – Что ж, вот задача: исследовать местность в радиусе десяти – двенадцати километров. Ищите следы, признаки... но в первую очередь – воду. Продолжительность суток вычислена – двадцать один час с минутами. Вы сможете вернуться к рассвету, к четырем часам. – Он помолчал, словно бы желая – и не решаясь сказать что-то. – И еще... Отойдем-ка. – Командир сделал несколько шагов в сторону, штурман последовал за ним. Остановившись, касаясь рукой шершавого металла амортизатора, командир сказал негромко и не по-служебному: – Слушай... Все знают, что из всех навигаторов Звездного флота ты – лучший. И если ты однажды промахнешься, это вовсе не бросит на тебя тени. Самый меткий стрелок порой не попадает в центр мишени... Никто не взглянет косо, никто даже в мыслях не упрекнет тебя. Теперь попытайся понять то, что я тебе скажу. Если мы и вправду на Истоке, то это означает крушение мечты о совершенстве, которого можно достичь. А ведь именно для того послала нас Земля, чтобы мы хоть краем глаза полюбовались на великолепие будущего. Что же мы привезем людям? Вместо бесконечности – нуль? Это плохая математика. Так вот, не лучше ли нам признать, что мы не нашли Исток?

– Нам?

– Да. Я не боюсь упреков, страшно другое: разочарование в главном. Поэтому пусть говорят, что я плохой капитан. Пусть решат: нет, ему не следовало поручать экспедицию. Пусть надо мною просто смеются на улицах! – но этой ценой, которую я готов уплатить, будет куплено спокойствие и уверенность всех людей. Иначе многим придется отказаться от привычных представлений, а это всегда тяжело, и последствия этого бывают порой плачевны. Ты сам знаешь, во что обошлась Земле наша экспедиция. Прежде чем снарядят другую такую, минут годы, сменятся поколения. И от нас с тобой зависит, сменятся ли они в спокойствии или в тревожном недоумении...

– Ты говоришь, от нас с тобой?

– Мне не нужен виноватый; я согласен сам стать им. И прошу тебя лишь об одном: раздели эту вину со мной, признай, что ты – пусть второй, пусть после меня – ошибся тоже. Мы оба виноваты в том, что корабль пришел не туда. Это тяжело. Но космос закалил нас и нам многое под силу. Ну, дай руку, и пусть лишь мы одни будем знать истину.

И командир протянул руку. Штурман взял ее в свою ладонь, но не так, как делают, чтобы скрепить согласие; он взял ее, точно хрупкий предмет, не сжимая, и тут же отпустил со словами:

– Ты сказал: пусть только мы будем знать истину. Но ведь мы ее как раз и не знаем! Но предположим, что она такова, как ты считаешь; почему же ты решил, что если мы вернемся и откровенно расскажем об увиденном, настанет разочарование? Оттого, что внешние черты будущего окажутся иными? Но чем дальше – тем ближе будет становиться это будущее и для нас, и тем яснее будет видно, как оно выглядит. Я не верю в гибель цивилизаций, и меня не страшит эта пустота: настанет срок, и она объяснится. Тревожит другое: ты, значит, согласен,

что это – Исток, наше будущее; ты только решил, что это исток иссякший, и испугался. Однако командиры могут быть осторожными, но бояться не должны. Ты согласен?

– Нет! – резко сказал командир. – Не согласен. Я не испугался, и это не Исток. И именно ты докажешь это всем – и самому себе, потому что если вы не найдете сегодня ни единого следа культуры, то это будет означать лишь, что ее нет здесь и не было вообще.

– Что ж, посмотрим, – сказал штурман и взглянул на часы. – Нам пора. Ты позволишь?

– Хорошо, – разрешил командир. – У меня все.

Группа повернулась, и люди двинулись гуськом в избранном направлении. Еще с минуту пепел хранил их следы, противясь ветру; потом отпечатки ног исчезли, запорошенные, а трава за выжженным кругом распрямилась еще раньше: у травы короткая память. Но оставшиеся уже не видели этого: командир, зная вред затяжных расставаний, не дал экипажу насладиться грустью. Сразу же, как только группа штурмана переступила границу между пеплом и зеленью, командир отвернулся от нее и взглянул на небо. Совсем недавно корабль рассек его, опускаясь, но небо сомкнулось за ним, и не найти стало места, где снижался звездный барк. Да командир и не искал своих следов в небе. Он смотрел на солнце, медового цвета солнце, истекавшее теплом и светом и даже, казалось, запахом – хотя на самом деле запах шел от цветов, всегда помогающих солнцу наполнить мир. Опаленные же травы пахли гарью, и всем на миг стало не по себе от этого тревожного запаха, и еще – сделалось стыдно за то, что они сожгли траву; словно бы они могли опуститься без этого.

– Режим обитаемой планеты! – скомандовал командир. – Немедленно поднять кикеры: пусть идут за отрядом, не отклоняясь ни на минуту, ни на метр. АГП-101 с энергетическим экраном держать наготове. Связь с группой дублировать. Слушать воздух. Следить за возможными ракетами. Выгружать синтезатор. Начальникам служб проследить.

Люди взялись за дело. Вскоре, захлебнувшись масляно отблескивавшими стержнями замедлителей, замерли малые реакторы – не уснув, но задремав на отдыхе. Важнейшие приборы укрылись кожухами. На задранном носу корабля расцвела антенна локатора. Выдвинулись излучатели защиты; они поразили бы всякого чужака, осмелившегося приблизиться к кораблю – впрочем, сперва не насмерть. Захлопнулись герметические двери тех отсеков, где работали лишь во время полета. Два кикера – небольшие конические снаряды – выброшенные катапультной в воздух, включили бесшумные двигатели, нащупали пеленг удаляющейся группы и пустились за нею. Из грузового люка скатили маленький АГП-101, проверили мотор и убедились, что машина в порядке и может подняться в любой миг. Вахтенные заняли свои посты.

Корабль зажил обычной после посадки жизнью. Прошел час и другой; командир дважды посетил каждый пост и не нашел ничего, что было бы забыто или не предусмотрено. Тогда он разрешил себе снова спуститься на землю и, выйдя за пределы выжженного круга, присел на траву, уткнулся подбородком в поднятые колени и сидел так, отдавшись на волю мыслей и ассоциаций. Они были очень далеки, наверное, от происходящего – судя по тому, что командир медленно и скорее всего машинально водил ладонью по траве; так гладят волосы близкого человека в минуты нежности или раздумья. Он даже засвистел какую-то песенку и успел закончить ее, когда тень, упавшая на траву, заставила его поднять голову.

Тень принадлежала кикеру; короткий конус его только что промелькнул наверху, затмив на миг светило, и теперь, резко теряя высоту и поворачиваясь основанием к земле, шел на посадку. Мгновение капитан глядел на него, затем вскочил. Люди возле корабля – внешняя команда – завозились, готовясь принять аппарат. Вторая тень скользнула по траве в отдалении: как и полагалось, кикер-два шел параллельным курсом, с интервалом в полминуты. Его автоматы так же безукоризненно выполнили посадочный маневр. Командир побежал, еще не понимая, в чем дело, но уже чувствуя неладное.

Возле корабля Сенин, механик, и второй штурман Вернер успели уже вынуть из кикеров кристаллы с записями. Вернер вложил один из них в дешифратор. Вспыхнул глазок. Сна-

чала прозвучали команды, повинувшись которым разведчики два с лишним часа назад поднялись в воздух. Одновременно на экранчике дешифратора возникла и видеозапись. Сперва появилась поляна и барк, стоящий на ней. Сверху он напоминал круглый глаз, пристально глядящий в небо; потом, по мере того как кикеры отдалялись, становилось видно, что глаз – зрачком его служил обзорный купол – находился на вершине конструкции из шести высочайших колонн, обнимавших правильным шестиугольником седьмую, самую мощную. Внизу от каждой из шести отходил амортизатор, надежный, как ферма железнодорожного моста; на этих опорах и стоял корабль... Командир в нетерпении переступил с ноги на ногу.

Скорое возвращение аппаратов могло означать либо, что группа, установив с ними связь, отослала их с каким-то поручением – но так поступали только при выходе из строя рации, да и тогда для передачи любого сообщения хватило бы одного кикера; либо аппараты потеряли объект наблюдения и сами повернули назад. Этот вариант означал бы беду, и командир безрадостно подумал, что он-то, вероятно, и окажется реальным.

Так и получилось. На экране было видно, как все теснее сближаются деревья, как просветы между кронами становятся все меньше и исчезают совсем. Визуальный контроль над группой был утерян. Оставался еще локационный – но, переключив дешифратор в режим локации, командир увидел, что экран густо усеивают белые хлопья, сливающиеся в сплошную молочную пелену, за которой уже невозможно было различить отдельный объект или группу их. Возможности кикеров на этом кончались.

Командир покачал головой и отдал команду. АГП-101 легко всплыл в воздух, с минуту повисел, выбирая направление, и лег на курс. Командир, проводив его взглядом, торопливо направился к трапу.

5

В рубке связи стояла тишина, но не безмолвие покоя, а напряженное молчание, признак беды. Молчали связисты, включенные приемники тоже были безгласны. Бесшумно вращалось колесико автоматического вызова. Вглядевшись, командир увидел, что регуляторы громкости стоят на нуле; порывистым движением он повернул один из них.

Рубку наполнили скрежет и визг, беспорядочно замигали индикаторы. Это напоминало магнитную бурю; сигнал маломощной рации не мог бы пробиться сквозь такую толчею уже на расстоянии полукилометра. Справиться с нею могла бы разве что главная корабельная станция, предназначенная для работы в пространстве. Но станция работала в другом диапазоне, и осталось лишь попытаться найти группу с помощью большого локатора.

Прошло несколько минут, пока рефлектор антенны локатора удалось наклонить под нужным углом. Потом в центральном посту матово засветился большой экран. На фоне помех яркое белое пятнышко виднелось на нем.

Яркое и неподвижное; и эта неподвижность заставила всех нахмуриться.

– Девять с половиной километров, – сказал командир вслух, чтобы отогнать нахлынувшие опасения. – Это они, больше некому. Привал? Наблюдается одна цель, а не десять объектов; значит, расстояние между людьми меньше двух метров. Но, по правилам, на привале люди сохраняют трехметровую дистанцию. Не думаю, чтобы штурман забыл об этом...

– Наши устройства уловили бы звук даже единственного выстрела, – пробормотал Мозель, радист. – Но мы ничего не слышали.

– Когда принято последнее сообщение? – спросил командир, повернувшись к Мозелю. – И когда возникли помехи?

– Почти полчаса назад. Сообщали, что идут лесом, направляясь, по-видимому, к воде. Никаких следов человека. Ничего подозрительного. Самочувствие было хорошим.

– Ну что же, – сказал командир, стараясь говорить как можно непринужденнее. – Магнитная буря, только и всего. А? – Он повернулся, глядя на вошедшего в центральный пост Вернера. – Уже возвратились?

– Только что. Возможно, с борта АГП мы их видели, но не уверены: видимость сквозь кроны – почти ноль, посадка невозможна. Никаких сигналов с земли не принято.

– По рации вызывали?

– Безрезультатно.

– Ладно, – сказал командир голосом, который, сверх ожидания, прозвучал бодро: командир вновь попадал в свою стихию мгновенных решений и привычных действий. – Экипажу приготовиться к выходу. Отряд поведу я. Старшим на корабле останется главный инженер с двумя связистами. Выход через пять минут!

6

Люди собрались внизу, у подножия корабля, готовые к выступлению. Шеи их оттягивали висевшие поперек груди на ремнях излучатели – личное оружие, надежное в ближнем бою. На спинах вспухали сумки, набитые снедью и питьем, тройной нормой, по уставу. На боку болтались футляры с приборами и мелким инструментом. Ноги были обуты в толстые и высокие сапоги, испытанные даже в болотах Лернеи, гнилостного рая рептилий. Командир оглядел свой отряд, и они двинулись недлинной колонной, замкнутой тремя мощными роботами.

Люди шагали, тяжело ставя ноги на землю, заставляя беззвучно ломаться стебли травы. Руки лежали на оружии, но не отдыхали, а были напряжены. Не впервые приходилось экипажу идти по дикой планете, и бывало так, что из чащобы летели стрелы, копья и острые камни, и туземные вепри мчались на них, нацелив клыки, или гибкие хищники обрушивались с деревьев. Поэтому люди шли осторожно: не шли, а продвигались, не смотрели, а наблюдали за всем, что было впереди и по сторонам. Назад же глядели роботы, у которых для этого имелись глаза и в затылке – если только у робота есть затылок.

Но пока сзади оставался лишь корабль, а впереди не возникало ничего необычного. Приближалась опушка, и все слышнее делался невнятный шорох леса. Ожидание событий было мучительно, как последние секунды перед стартом, и не раз уже люди резко поворачивали оружие и напрягались до боли в мышцах, услышав особо тревожный, по их мнению, звук. Лишь командир казался безмятежно спокойным, хотя на деле он-то и волновался больше всех.

Шипы сапог рвали почву, трава же, протестуя, захлестывалась вокруг лодыжек. Единственно в этом проявлялось сопротивление природы вторгшимся. Над поляной висел тончайший веселый звон: карнавалом кружилась мошकारа. Она не стала бросаться на людей, но исследователи все же распылили вокруг себя некоторое количество вещества, от какого звенящие летуны перестают жить.

– А ведь они не кусаются, – пробормотал Альстер.

– Еще не знают людей, – не преминул откликнуться командир, словно почувствовавший себя виноватым в том, что мошकारа, накрывшая было их плотным одеялом, никому не нанесла ущерба. – Но уж коли распробовали бы – не спастись.

Тем временем поляна кончилась. Тень лежала на траве; с неуловимо краткой заминкой люди ступили на нее, один за другим. Первые стволы оказались рядом, потом – позади. Колонна вошла в лес и, не останавливаясь, углубилась в него, лишь замедлив немного шаг – и от неудобства ходьбы между низкими хребтами могучих корней, и от изумления тоже. Здесь росли сосны, высокие и чистые, с золотистым отблеском коры; биолог сразу назвал их, потому что и на Земле, в заповедниках, еще встречались такие. Росли тут также деревья пониже, со странными узорно вырезанными листьями, отдаленно напоминавшими человеческую ладонь с пальцами, и еще другие, у которых края продолговатых листьев были вырезаны почти точно по синусоиде; эти были толще, кряжистей, разлапистее. Биолог и ботаник, глядя на деревья, тихо бормотали что-то, словно в экстазе читали заклинания. Попадались и еще какие-то деревья, на их согнувшихся ветвях висели круглые блестящие плоды, похожие на те, что на Земле создаются в синтезаторах для услаждения человеческого вкуса; тут они просто росли на ветвях, а некоторые успели упасть и лежали на земле, вкусные даже с виду. Люди шли по-прежнему сумрачно, помня о том, что товарищи их, судя по всему, в опасности; напряженные пальцы белели на вороненом металле оружия. Деревья замыкали кольцо, но роботы правильно определили степень их безопасности, и в поведении образованных машин не изменилось ничего: роботы не понимают природы и не дорожат ею, но и не боятся ее; в их памяти не сохранилось, как у людей, интуитивного воспоминания о тех временах, когда деревья вот так же свободно росли на Земле и человек мог идти среди них даже и часами, все не видя конца. И здесь тоже не

было видно предела зарослям; сухая хвоя шелестела под шагами, от плодов отражалось солнце, заставляя людей смешно морщиться. Черные ягоды на низких кустиках густо росли, местами зеленел папоротник. Людям казалось, что они никогда не устанут шагать по этому лесу.

Командир взглянул на висящий у него на груди ящичек электронного курсоискателя и повернул; солнце, прорываясь сквозь кроны, стало греть правую щеку. Кругом по-прежнему были хвоя, мох и деревья; ни люди, ни приборы все еще не могли обнаружить ни малейшего признака опасности, так что чем дальше, тем менее понятно было, что же могло приключиться с десятерыми, ушедшими на два с половиной часа раньше.

Вдруг люди вздрогнули: высокий прерывистый звук разнесся по лесу. Словно кто-то подал акустический сигнал, предупреждая своих о приближении противника. Колонна враз оцетинилась стальными стволами: каждый четный повернул оружие вправо, нечетный – влево, командир направил дуло вперед, а последний из замыкавших колонну роботов повернул средний – вооруженный – ярус своего многоэтажного тела назад. Только зоолог Симон колебался – ствол в его руках выдвинулся как-то нерешительно, и в пальцах не было уверенности. Сигнал повторился; теперь он был продолжительнее, и удалось лучше разобрать его. Один, а может быть, два приемника громко транслировали закодированный текст; сначала частые «ти-ти-ти» высокого чистого тона летели по лесу, и потом, словно отвечая им, начинался другой сигнал, чуть медленнее, пониже, протяжнее: «Тиу, тиу, тиу»... Затем приемник немного менял настройку, и раздавались долгие гибкие звуки, подобные тем, какие издают электронные устройства при изменении емкости контуров, – но гораздо чище, без обертонов, и мелодичнее. Мозель, радист, вложив в ухо капсулу, уже вертел лимбы походной рации, остальные до шума в ушах вглядывались в легкие сумерки, возникавшие там, где была тень. И только зоолог Симон стал смотреть не вниз, а вверх, и увидел на вершине высокого сухого дерева источник звуков. Тогда зоолог снял руки с оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.